

*Посвящается
Линде Маккалеб-Коннелли*

ГЛАВА 1

Дым, поднимавшийся над дорогой Кауэнга-Пэсс, рассеивался под натиском холодного ветра, который дул навстречу. С того места, откуда наблюдал за пожаром Гарри Босх, дым напоминал серую наковальню, возвышающуюся над ущельем. Клонящееся к закату солнце придавало серым клубам дыма розоватый оттенок, но только наверху; у основания они были густо-черными. Где-то там, внизу, проходила полоса огня, который, пожирая кустарник на восточном склоне, быстро устремлялся к вершине холма.

Переключив сканер на волну, выделенную специально для муниципальных служб округа Лос-Анджелес, Босх прислушивался к радиопереговорам батальона пожарных. Они сообщали своему командованию, что огонь полностью уничтожил девять домов на одной улице и подбирается к следующей. В голосах пожарных звучало отчаяние: пожар быстро распространялся и, расправившись с населенными районами, двигался к холмам Гриффит-парка, где бушевал бы несколько часов, пока его не локализовали.

На горизонте появилось звено пожарных вертолетов, издали похожих на стрекоз. Лавируя между столбами дыма, они сбрасывали на пылающие деревья и дома тонны воды, смешанной с оранжевым противопожарным реактивом, и разворачивались для следующего захода. Увидев их маневры, Босх подумал о Вьетнаме, где боевые машины по несколько раз обрабатывали одно и то же место в джунглях, не давая противнику ни малейшего шанса опомниться. Более всего походил на это надрывной, с присвистом, стрекот перегруженных двигателей «вертушек». Сквозь

дым массы воды опрокидывались на горящие крыши, и над ними тут же вздымался плотный белый пар.

Босх отвернулся и посмотрел вниз, в заросли сухих кустов, которые покрывали подножие холма и доходили до самых опор, поддерживавших его дом на западном краю обрыва. Среди веток чапареля белели редкие маргаритки и скромные полевые цветы, но, сколько ни вглядывался Босх, ему никак не удавалось разглядеть сероватую спину койота; он впервые заметил его внизу несколько недель назад, когда зверь охотился, затаившись в буреломе. С тех пор Босх время от времени сбрасывал вниз кусочки цыпленка, но осторожный койот так ни разу и не приблизился к угощению. Только после того, как Гарри уходил с веранды, койот выползал из кустов, чтобы принять подношение, и Босх окрестил его Тимидо¹. Впрочем, иногда по ночам он слышал вой Тимидо; эхо разносило его голос над дорогой, ведущей к перевалу.

Когда он снова повернулся к пожару, оттуда донесся громкий взрыв, и Босх увидел плотное черное облако, которое, словно воздушный шар, рванулось снизу к плоской вершине дымной наковальни. Вслед за этим из динамиков сканера донесся взволнованный гул сразу нескольких голосов, и Босх с трудом разобрал доклад командира пожарного батальона. Тот извещал начальство, что в чьем-то сарае взорвался приготовленный для барбекю баллон с пропаном.

Проследив за тем, как черный дым постепенно тает на сером фоне, Гарри снова переключил сканер на оперативную частоту УПЛА — Управления полиции Лос-Анджелеса. В свое рождественское дежурство Босх обязан был постоянно быть на приеме. Впрочем, не услышав через полминуты ничего, кроме рутинных радиопереговоров патрульных, он решил, что нынешнее Рождество в Голливуде выдалось на редкость спокойным.

¹ Timido — пугливый (*исп.*).

Посмотрев на часы, Босх вернулся в дом, прихватив с собой радиосканер. Открыв духовку, он переложил свой рождественский ужин — жареную цыплячью грудку — с противня на тарелку, потом снял крышку с горшочка, в котором томился распаренный рис с бобами. Положив рядом с цыпленком изрядную порцию риса, Босх перенес тарелку в гостиную, где на столе его ждали бокал красного вина и три рождественские открытки, пришедшие по почте в начале недели. Босх, однако, не торопился вскрывать их. Проигрыватель компакт-дисков он заранее зарядил колтрановским «Блюзом подземки» и теперь предвкушал удовольствие долгого рождественского вечера.

За едой Босх все-таки вскрыл конверты и теперь размышлял об их отправителях. Для него, встретившего в одиночестве не одно Рождество, этот ритуал стал уже привычным, но он об этом почти не думал. Босх любил быть один.

Первое письмо пришло от бывшего партнера. Тот, получив свою долю гонорара за книгу и за фильм, снятый об их приключении, вышел в отставку и переехал в Энсенаду. В письме не было ничего нового. Как обычно, Андерсон писал об одном: «Гарри, когда ты приедешь?»

Вторая открытка также была из Мексики — от следопыта, с которым Босх провел прошлым летом шесть недель, отдыхая, совершенствуя испанский и рыбача в заливе Сан-Фелипе. Тогда ему необходимо было отдохнуть и набраться сил после ранения в плечо. Благодаря солнцу и морскому воздуху он выздоровел довольно быстро. Впрочем, и Джордж Баррера не проявил изобретательности: в своем коротеньком послании, написанном по-испански, он тоже звал Босха вернуться.

Последнюю открытку Босх вскрывал медленно и аккуратно, поскольку понял, от кого она, еще до того, как увидел подпись. Судя по почтовому штемпелю, конверт с открыткой был послан из Техачапи, и отгадать, кто автор сего послания, не составляло для Босха труда. Сама открытка

со слегка смазанным рождественским сюжетом была отпечатана вручную на отбеленной бумаге, вышедшей из тюремного измельчителя отходов и пущенной в дело по второму разу. Ее написала женщина, с которой Босх провел только одну ночь, хотя думал о ней в последнее время гораздо чаще, чем следовало. Она тоже просила Гарри приехать к ней на свидание, однако оба отлично знали, что вряд ли это когда-нибудь случится.

Босх отпил небольшой глоток вина и с удовольствием закурил. Колтран как раз дошел до «Спиричуэл», записанной с живого концерта в нью-йоркском «Виллидж-Вэнгарде» еще во времена детства Гарри. И тут его внимание привлек радиосканер, негромко бормотавший что-то на столике рядом с телевизором. Большая часть жизни Босха прошла под болтовню этих устройств, и он научился не замечать назойливого фона, полностью сосредоточившись на сочном звуке саксофона. Вместе с тем он не пропускал ни вызовов, ни переговоров по кодовой таблице, внезапно выбивавшихся за рамки обычной скучной рутины. Вот и сейчас Босх разобрал, как чей-то голос произнес: «1K12, ответьте Штабу-2».

Босх поднялся и подошел к сканеру, словно надеясь, что от этого прибор заработает более четко. Он ждал ответа на вызов, но не услышал ничего ни через десять, ни через двадцать секунд.

«Здесь 1K12; нахожусь в мотеле „Убежище“, район Уэстерн к юго-западу от Франклина, комната семь. Не забудьте противогаз, Штаб-2».

Босх ждал чего-то еще, но это было все. Уэстерн и бульвар Франклина находились в зоне ответственности Голливудского полицейского участка. Позывной «1K12» принадлежал детективу из ОРОУ, городского отдела по раскрытию ограблений и убийств, расположенного в Паркер-центре — полицейской штаб-квартире в деловом центре. Позывной «Штаб-2» принадлежал заместителю начальника полиции, но их было трое, поэтому Босх не знал,

к кому из них относится такой порядковый номер. Впрочем, это не имело значения. Босха гораздо больше интересовало дело, ради которого одному из самых высокопоставленных офицеров городского управления пришлось выехать на место происшествия.

И еще один вопрос не давал ему покоя. Если ОРОУ уже работает над этим преступлением — что бы там ни произошло, — то почему о нем не известили в первую очередь его, дежурного детектива Голливудского участка?

Босх прошел на кухню и, поставив в раковину грязную тарелку, набрал номер отделения на Уилкоккс-авеню и попросил оперативного дежурного. Ему ответил лейтенант Клейнман, которого Босх почти не знал: он недавно перевелся в Голливуд из Футхиллского участка.

— В чем дело? — спросил Гарри вместо приветствия. — По сканеру всюду болтают о теле в Уэстерне, и никто не удосужился позвонить мне. Это тем более любопытно, что именно сегодня я дежурю по вызовам.

— Не волнуйся, — отозвался Клейнман. — «Шляпы» подгрести все дело под себя.

Клейнман воспользовался выражением, которого Гарри не слышал уже несколько лет, а потому догадался, что лейтенант, должно быть, из старослужащих. Соломенные котелки детективы из городского отдела по расследованию ограблений и убийств носили в конце сороковых годов; в пятидесятых их сменили шляпы из мягкого серого фетра, после чего шляпы надолго вышли из моды. С тех пор сотрудники полиции, носившие на службе форму, прозвали детективов из ОРОУ «костюмами», а не «шляпами», что, впрочем, не относилось к следователям подотдела, занимавшимся только убийствами. Последние до сих пор считали себя высшим сословием и отчаянно задирали нос. Босху это претило даже тогда, когда он сам был одним из них. Теперь, работая в Голливудском участке, Гарри находил на новом месте лишь одно преимущество: тот, кто копался в городском дерьме, никогда не выпендривался.

Именно в участке была настоящая полицейская работа, простая и вполне обычная.

— А что стряслось? — осведомился Босх.

— В номере мотеля на бульваре Франклина обнаружили тело, — ответил Клейнман. — Похоже на самоубийство, но ОРОУ собирается заниматься им по своей линии. То есть фактически они уже взяли дело на себя и мы к нему никакого отношения не имеем. Это приказ с самого верха, Босх.

Гарри задумался. С чего бы городскому отделу по расследованию ограблений и убийств заниматься простым суицидом, да еще в рождественскую ночь? Он никак не мог взять этого в толк, и вдруг его осенило.

Калексико Мур!

— Сколько дней пролежал труп? — спросил он. — Я слышал, Штабу-2 посоветовали взять с собой маску.

— Довольно много. Даже голова сгнила, как картошка. Впрочем, судя по тому, что я слышал на их частоте, никакой головы там вообще не осталось; похоже, покойник выпалил в себя дуплетом из дробовика.

Сканер Босха не брал частоту ОРОУ; именно поэтому он не слышал никаких переговоров по поводу обнаружения трупа. «Костюмы» перешли на доступную ему частоту только затем, чтобы сообщить адрес шоферу заместителя начальника полиции. Если бы не эта маленькая оплошность, Босх не узнал бы о случившемся по меньшей мере до завтрашнего утра, когда ему надлежало зайти в участок. Это рассердило его, однако Гарри не подал вида и старался, чтобы его голос звучал спокойно и ровно. Ему необходимо было вытянуть из Клейнмана все, что он знал.

— Это Мур, не так ли?

— Похоже, — отозвался словоохотливый лейтенант. — Они нашли на тумбочке его значок и бумажник с удостоверением личности. Но, как я уже заметил, труп опознать невозможно, так что ничего определенного сказать пока нельзя.

— И как все это произошло?

— Послушай, Босх, я, вообще-то, занят. К тому же тебя это не касается; делом занимается отдел по расследованию...

— Ошибаетесь, лейтенант, меня это как раз касается. Вам следовало позвонить мне в первую очередь, и меня весьма интересует, что там такого случилось, если вы решили действовать через мою голову.

— Ну хорошо, Босх, расскажу... Нам позвонил хозяин этой помойки и сообщил, что у него в мотеле, в ванной седьмого номера, лежит труп. Мы сразу послали туда патруль, который подтвердил сообщение, но патрульные звонили по телефону — не по радио, — поскольку нашли полицейский значок и удостоверение, указывающие, что это тело Мура. Или предположительно тело Мура. В общем, с этим разберутся потом. Короче, я сразу перезвонил домой капитану Група, он информировал заместителя начальника полиции, и все дальнейшие решения принимались уже на самом верху. Полагаю, именно замнач распорядился известить «шляп» и не подключать к этому делу тебя. Вот как все было, так что если у тебя есть претензии, то ты обратился не по адресу. Разбирайся с Група или с заместителем шефа. Я чист. — Босх молчал. Он по опыту знал, что стоит ему иногда промолчать — и человек, располагающий интересной информацией, в конце концов сам заполнит паузу. — Следствие больше не в наших руках, — добавил Клейнман. — Черт побери, телевидение и «Таймс» уже на месте. И «Дейли ньюс» тоже. Они-то уверены, что это тело Мура, поэтому там черт знает что творится! Мне казалось, что пожар на холмах отвлечет внимание прессы, а нет! Их туда столько сбежалось, что мне теперь придется послать в мотель еще одну машину — сдерживать журналистов. Словом, Босх, радуйся, что тебя это не коснулось. Сегодня же Рождество!..

И все же разъяснения лейтенанта не успокоили Босха. Ему должны были позвонить в любом случае, и только он

мог принять решение об участии ОРОУ в расследовании того или иного преступления. Теперь дело выглядело так, будто кто-то намеренно принял все меры, чтобы оставить его за бортом, и это не давало Гарри покоя.

Попрощавшись с лейтенантом, он закурил новую сигарету и, достав из ящичка над раковиной служебный револьвер, прицепил его к ремню своих голубых джинсов. Затем накинул на зеленый армейский свитер легкую светло-коричневую куртку спортивного покроя.

Уже стемнело, и сквозь полупрозрачное стекло двери Босх ясно видел полосу огня, пересекающую темное ущелье. Эта изогнутая линия напомнила ему дьявольскую ухмылку, медленно ползущую вверх, к гребню. Из темноты внизу донесся вой койота. Тимидо выл не то на луну, не то на огонь, не то жаловался кому-то, что остается в темноте один.

ГЛАВА 2

Спустившись с холмов, Босх оказался в Голливуде и, выбирая безлюдные улицы, добрался до Бульвара. На Бульваре не было ничего необычного. По тротуарам фланировали маленькие компании: постояльцы отелей, приезжие и беженцы, согнанные пожаром с насиженных мест. Там же важно прогуливались проститутки, и Гарри невольно фыркнул, увидев девицу в красном колпаке Санта-Клауса. Бизнес оставался бизнесом, и даже в рождественскую ночь на скамейках автобусных остановок сидели изящно загримированные дамы, которые вовсе не ждали автобуса, во-первых, и не были женщинами — во-вторых. Гирлянды флажков и рождественских огней, натянутые поперек Бульвара над каждым перекрестком, соперничали с мигающими огнями неоновых реклам, придавая знакомым окрестностям вид неестественный и чуждый. Босх подумал, что перед праздником город стал похож на старую шлюху, которая нанесла на фасад слишком много косметики. Если, конечно, такое возможно в принципе...

Босх, однако, чувствовал себя подавленным вовсе не из-за того, что улицы по случаю праздника оделись в рождественский наряд. Он думал о Калексико Муре. Известия о его смерти Босх ждал уже целую неделю, с тех самых пор, как Кэл не явился на общее построение. Как и большинство копов в Голливудском участке, Гарри не сомневался, что Мур мертв. Вопрос заключался лишь в том, когда обнаружат его тело.

Сержант Калексико Мур возглавлял подразделение Голливудского участка по борьбе с уличной торговлей наркотиками. На этой ночной работе группа Мура занималась

только Бульваром. В участке было известно, что Кэл расстался с женой, с успехом заменив ее виски, — Босх узнал об этом одним из первых, когда однажды ему пришлось работать с Муром. Босх также понял: сержанта грызет что-то еще, кроме супружеских проблем и ранней профессиональной усталости. Однажды Мур вскользь упомянул о том, что отдел внутренних расследований копается в его личном деле, а это было достаточно неприятно само по себе.

Все, вместе взятое, несомненно, наложило на обычную пред рождественскую депрессию, поэтому, услышав о том, что полиция объявила розыск Мура, Босх сразу догадался — Кэл мертв.

Того же мнения придерживались в управлении все, хотя никто не говорил об этом во всеуслышание. Даже пресса не слишком неистовствовала, что особенно удивляло. Правда, поначалу полицейские власти рассчитывали про вернуть это дело втихую и старались не поднимать шума. Началось все с негласного опроса обитателей Лос-Фелиса, где жил Мур; за сим последовало несколько вертолетных рейдов над близлежащими холмами Гриффит-парка, но стоило только кому-то из телерепортеров пронюхать о случившемся, как газеты и телестанции мигом оседлали эту тему и начали с завидной регулярностью публиковать отчеты о розысках пропавшего копа. Фотографию Мура поместили на стенд объявлений в зале для пресс-конференций Паркер-центра, и представитель полицейского управления обратился к общественности со стандартной просьбой о помощи.

Из всего этого получился неплохой драматический спектакль или, на худой конец, сюжет для добротного видеорепортажа: конные рейды, поиски с вертолетов, представительный полицейский чин, держащий в руках фотографию смуглолицего сержанта с серьезными и умными глазами. Но никто так и не сказал ни слова о том, что полиция ищет не Калексико Мура, а его труп.

Босх притормозил у светофора и лениво следил за тем, как переходит улицу человек-бутерброд, втиснутый между двумя рекламными плакатами. Его семенящий шаг был неровным и быстрым, а колени каждый раз наподдавали по картонному щиту, так что он подлетал в воздух. На щит была наклеена фотография Марса, сделанная со спутника. Небольшой участок поверхности планеты, испещренный расплывчатыми пятнами и похожий на человеческое лицо, был обведен кружком, а огромная надпись чуть ниже гласила: «КАЙТЕСЬ! ЛИК ГОСПОДА ГЛЯДИТ НА НАС!» Ту же самую фотографию Босх видел на обложке малоформатной газеты, которую просматривал, стоя в очереди в универмаге «Лаки». В газете, впрочем, утверждалось, что лицо, сформированное на поверхности Марса какими-то линиями и тенями, принадлежит Элвису Пресли.

Зажегся зеленый свет, и Босх поехал дальше, продолжая думать о Муре. Кроме одного вечера, когда они выпивали в джаз-баре в районе Бульвара, Босх почти не общался с покойным сержантом. Год назад Босха перевели из ОРОУ, и большинство полицейских в Голливудском участке отнюдь не спешили близко с ним познакомиться, хотя обменивались с Гарри нерешительными рукопожатиями и вежливо улыбались. Босха это ничуть не удивляло, поскольку его выкинули из отдела по расследованию ограблений и убийств с подачи отдела внутренних расследований, поэтому он не обижался на такое поведение новых коллег. Мур, один из немногих, не совершал над собой никакого насилия и приветствовал Босха лишь коротким кивком, если им случалось столкнуться в коридорах или оказаться рядом на инструктаже. Возможно, причина была совсем в другом; отделение по расследованию убийств в детективном бюро, где трудился Босх, находилось на первом этаже, а БАНГ — именно такое название получила в связи с обстоятельствами группа Мура, что, впрочем, звучало гораздо лучше, чем нелепая «антинаркотическая группа с Бульвара», — на втором, благодаря чему Мур чув-

ствовал себя вправе поглядывать на детектива чуть свысока. Однако один раз им все-таки пришлось сойтись коротко: Гарри встретился с сержантом, чтобы получить кое-какую информацию о деле, над которым работал, а Мур, воспользовавшись этим, выпил много пива и виски.

Звучное название БАНГ (и даже — иногда — БАНГ!), присвоенное группе Мура, очень нравившееся сотрудникам управления и не оставлявшее равнодушным ни одного журналиста, обозначало подразделение из пяти человек. Все они работали в тесной комнатенке, переделанной из кладовой. Эти копы обшаривали Голливудский бульвар по ночам и волокли в участок каждого, у кого в кармане находили сигарету с марихуаной. Подразделение БАНГ было статистическим, то есть создавалось с единственной целью — производить как можно больше арестов, чтобы обосновывать ими запросы об улучшении технического оснащения, об оптимизации штатной численности личного состава и — особенно — об увеличении ассигнований на оплату сверхурочных. То, что большинство из задержанных районный прокурор, как правило, выпускал на поруки, а остальных освобождал на месте, не имело никакого значения. Основной задачей группы оставалось наращивать количество арестов. Дело порой доходило до того, что, если журналисты из «Таймс» или телевизионщики второго или четвертого каналов выказывали желание провести ночь в рейде вместе с подразделением БАНГ, им это охотно разрешали. Впрочем, подобные «статистические» подразделения имелись в каждом участке.

Возле Уэстерна Босх повернул на север и сразу увидел впереди желто-голубые мигалки патрульных машин и ослепительные, как молнии, вспышки фотокамер. В Голливуде подобной иллюминацией сопровождался либо случай насильственной смерти, либо премьеры — «первая ночь» — нового фильма, но Босх знал, что в этой части города первая ночь бывает только у тринадцатилетних проституток.

Он подрулил к тротуару за полквартала до мотеля «Убежище» и закурил сигарету. Кое-что в Голливуде оста-

валось неизменным всегда, только называлось всякий раз по-другому. Мотель «Убежище» был грязным клоповником уже три десятка лет назад, когда еще носил название «Эль-Рио», и с тех пор не стал ничуть лучше. Босх никогда не ночевал именно в нем, но этого и не требовалось — достаточно было родиться и вырасти в Голливуде, чтобы знать все здешние злачные места. В детстве Босх слишком часто останавливался с матерью, пока она еще была жива, в таких грязных мотелях.

Как и другие заведения этого пошиба, мотель представлял собой постройку сороковых годов со внутренним двориком, который днем затеняли ветви великолепного баньяна, росшего в самом его центре. Ночью все четырнадцать номеров погружались в непроглядную темноту; ее лишь слегка разгоняла красная неоновая вывеска. Гарри заметил, что в строке «ЦЕНА В СУТКИ» не горели буквы «В» и «Т».

Когда Гарри был мальчишкой, а «Убежище» называлось «Эль-Рио», этот район города уже медленно гнил, утопая в грязи; просто тогда здесь еще не было такого количества неоновых огней, а дома выглядели чуть свежее, что не относилось к людям. Босх помнил даже офис компании «Стримлайн модерн»; он походил на океанский лайнер со строгими линиями, бросивший якорь рядом с мотелем. С тех пор прошло много лет, корабль поднял паруса и ушел в неизвестном направлении, а на его месте образовался крошечный грязноватый скверик.

Глядя на мотель сквозь ветровое стекло своей машины, Босх подумал, какое это жалкое место. Оно не стоит даже того, чтобы оставаться здесь на ночлег, а уж тем более — умирать.

С этими мыслями он выбрался из машины и пошел пешком.

Желтую заградительную ленту, натянутую поперек входа во внутренний двор, охраняли несколько полицейских в форме.

Юпитеры освещали группу людей в костюмах, и один из них, чья чисто выбритая голова сверкала как бильярдный шар, отвечал на вопросы корреспондентов. Только подойдя ближе, Босх сообразил, что прожектора телевизионщиков ослепляют полицейских, поэтому они не видят, что происходит за спинами интервьюеров. Воспользовавшись этим, Босх быстро взмахнул своим значком перед носом одного из копов, расписался в ведомости присутствовавших на месте происшествия, которую тот держал в руках, и пролез под лентой в огороженное пространство.

Дверь в седьмой номер была распахнута настежь, и из комнаты лились потоки яркого света. Оттуда же доносился звук электрооргана, и Босх понял: обследование места преступления занимается Арт Донован, техник-криминалист, известный тем, что постоянно таскал с собой портативный радиоприемник. Приемник был всегда настроен на «Волну» — музыкальный канал, передававший современные мелодии. Донован утверждал, что музыка успокаивает его и помогает сосредоточиться на осмотре мест, где люди убивали или были убиты.

Босх вошел в дверь, прижимая ко рту и к носу сложенный вдвое носовой платок, но эта предосторожность ничего не дала. Едва он переступил порог, как на него хлынуло такое зловоние, какого Босх, пожалуй, еще никогда не ощущал. Донован стоял на коленях возле кондиционера и аккуратно напылял специальную пудру для взятия отпечатков пальцев на его рукоятке. Кондиционер был вмонтирован в стену чуть ниже единственного в комнате окна.

— Привет, — пробормотал Донован. Малярная маска предохраняла его от запаха и от случайного вдыхания спецпорошка. — Тело в ванной...

Босх, однако, не спешил и внимательно огляделся по сторонам; он не сомневался, что «костюмы», заметив его, сразу же попытаются выдворить из мотеля. Широкая кровать была застелена выцветшим розовым покрывалом, на сиденье единственного стула лежала сложенная газета. По-

дойдя ближе, Босх увидел, что это «Лос-Анджелес таймс» шестидневной давности. С другой стороны, в изголовье кровати, высился странный гибрид бюро и трельяжа, на столешнице которого стояла пепельница с одним окурком, докуренным до половины и раздавленным. Рядом с пепельницей лежали «смит-вессон» тридцать восьмого калибра в нейлоновой наплечной кобуре, кожаный бумажник и футляр для полицейского значка. Все три предмета уже посыпали черной пудрой для снятия отпечатков пальцев. Прощальной записки на бюро Босх не увидел, хотя, на его взгляд, это было самое подходящее для нее место.

— Где же записка? — негромко спросил Босх, обращаясь скорее к самому себе, нежели к Donovanу. Криминалист тем не менее откликнулся.

— Нету, — сказал он. — Ни здесь, ни в ванной. Можешь, кстати, туда заглянуть, если, конечно, не опасаясь продемонстрировать свой рождественский ужин.

Босх бросил взгляд вдоль короткого коридора, который начинался слева от кровати и вел в глубину здания. Дверь в ванную располагалась справа, и Гарри направился туда — впрочем, без особой охоты. Он слишком хорошо знал: нет ни одного копа, хотя бы раз в жизни не помышлявшего наложить на себя руки.

На пороге ванной комнаты Босх остановился. Покойник сидел на полу, на грязно-белой каменной плитке, и опирался спиной о ванну. В глаза Гарри сразу бросилась обувь — серые ковбойские сапожки с короткими и толстыми, скошенными вперед каблуками «бульдог» и приподнятыми носками. Он помнил их еще по тому вечеру, когда они с Муром напивались в джаз-баре. Один сапог был все еще на ноге трупа, и Босх рассмотрел эмблему фирмы-производителя на стоптанном каучуковом каблуке — змейку, изогнутую в форме буквы «S». Второй сапог стоял рядом. На разутую ногу в носке уже надели прозрачный пластиковый пакет для хранения вещественных доказательств. Носок когда-то был белым, — во всяком случае, Босху так

показалось. Сейчас он выглядел серым, а нога мертвого — слегка раздувшейся.

Рядом с дверным косяком валялась на полу двустволка двадцатого калибра с горизонтально расположенными стволами. Нижняя часть приклада была выщерблена, а на плитке пола лежала деревянная щепка дюйма четыре длиной, которую Донован или кто-то из детективов обвел голубым мелком.

Босх, однако, не долго размышлял над этими фактами. Он пытался запомнить всю картину, впитать в себя, чтобы потом без труда вызвать ее в памяти. Бегло оглядев ванную, Гарри повернулся к телу.

На Муре были джинсы и байковая клетчатая рубашка. Восковая кожа на руках мертвеца, вытянутых по швам, посерела. Разложение зашло так далеко, что пальцы раздулись как сосиски, а предплечья стали огромными и мощными, словно у Моряка Полая, мультипликационного пожирателя шпината. На правой руке Босх заметил деформированную татуировку — ухмыляющуюся дьявольскую рожу с нимбом святого над головой.

Верхняя часть тела Мура грузно навалилась на бортик ванны, а голова запрокинулась назад так далеко, будто Кэл собирался мыть волосы перед смертью. Впрочем, Босх довольно быстро сообразил, что это ему только померещилось, ибо головы у трупа не было. Заряд из двух стволов двадцатого калибра разнес ее на куски. Бледно-голубая плитка у основания ванны была сплошь залита черной свернувшейся кровью; некоторые плитки треснули в тех местах, куда попали вылетевшие из ствола картечины.

Почувствовав, что кто-то стоит у него за спиной, Босх обернулся и встретился с суровым взглядом заместителя начальника полиции Ирвина Ирвинга. К удивлению Босха, Ирвинг не надел респиратор и не пытался защититься от запаха даже платком.

— Добрый вечер, шеф.

Ирвинг кивнул и спросил:

— А вы здесь зачем, детектив?

Босх увидел достаточно, чтобы в уме его сложилась картина происшедшего. Он отступил в сторону и, обогнув Ирвинга, пошел к выходу из номера. Ирвинг молча следовал за ним. Навстречу им попались два техника медэкспертизы в одинаковых голубых комбинезонах.

Выйдя из номера, Босх бросил носовой платок в урну, принесенную откуда-то полицейскими. Закуривая сигарету, он заметил в руках у Ирвинга картонную папку досье.

— Я услышал сообщение по сканеру, — ответил Босх, — и решил, что мне следует приехать, раз уж я сегодня дежурный детектив. Это мой район, и вызвать, в общем-то, следовало меня...

— Да, я в курсе. Но когда стало ясно, кому принадлежит труп, я передал дело ребятам из ОРОУ. Капитан Група связался со мной, и я принял такое решение.

— Значит, тело точно принадлежит Калексико Муру?

— Не совсем. — Ирвинг взмахнул картонной папкой. — Я прошелся по личному делу Мура и нашел его отпечатки. Уверен, это будет решающим фактором. Кроме того, личность можно установить и по зубам; в данном случае, однако, все зависит от того, насколько пригодно для идентификации то, что нам осталось. Все прочие обстоятельства указывают на то, что это именно Мур. Во-первых, номер был снят на имя Родриго Мойи, а этим псевдонимом Мур пользовался для оперативной работы. Во-вторых, позади мотеля стоит «мустанг», арендованный на то же имя. На мой взгляд, в настоящий момент нет почти никаких оснований сомневаться, что сержанта Мура мы нашли.

Босх кивнул. Ему приходилось иметь дело с Ирвингом и раньше, когда тот служил заместителем начальника отдела внутренних расследований. Теперь он стал заместителем начальника городского управления, одним из высших чинов полиции, и в его компетенцию входили не только внутренняя безопасность, но и оперативно-розыскная деятельность по делам, связанным с наркотиками, и детективные службы. Прикинув все это в уме, Босх на мгновение

задумался, не благоразумнее ли промолчать, чем добиваться от Ирвинга ответа на вопрос, почему все-таки ему не позвонили.

— Мне обязаны были позвонить, — сказал Босх наконец. — Это дело должно было стать моим. У меня отняли дело прежде, чем я его получил.

— Ну вот что, детектив, — желчно заметил Ирвинг, — пока работа управления организована таким образом, что вести дела следователей назначаю я. Или вы не согласны? В любом случае вам не из-за чего так расстраиваться. Давайте считать, что я существенно упростил стандартную процедуру, поскольку случаями смерти полицейских должно заниматься ОРОУ. В конце концов вам все равно пришлось бы передать дело им, так что я сэкономил и ваше и свое время. Кроме простой целесообразности, в моем решении нет никаких скрытых смыслов и мотивов, как бы вы ни искали их. Мы нашли тело офицера полиции, и наш долг перед ним и перед его семьей состоит в том, чтобы закончить расследование обстоятельств его смерти — какими бы они ни были — быстро и профессионально.

Босх еще раз кивнул и огляделся. У самого входа в мотель, под вывеской «ЦЕНА... СУ...КИ», он заметил Шихана, детектива ОРОУ. Тот допрашивал мужчину лет шестидесяти. Несмотря на прохладу, мужчина был в светлой майке. Во рту он держал раскисший окурочек сигары, и Босх догадался, что это управляющий мотелем.

— Вы что, были знакомы? — спросил Ирвинг, переходя на доверительный тон.

— С Муром? Нет, не очень... То есть отчасти да. Мы служили в одном участке, поэтому, разумеется, знали друг друга. Мур часто работал в ночную смену, к тому же нес службу главным образом на улице. Мы довольно редко встречались...

Босх так и не понял, с чего это ему вдруг взбрело в голову приукрасить действительность. Так или иначе, Гарри не

хотелось, чтобы по его голосу Ирвинг понял, что детектив Босх лжет, и он поспешил сменить тему:

— Значит, это самоубийство? А репортерам вы сказали об этом?

— Я еще ничего никому не говорил, особенно репортерам, — с неожиданной жесткостью отрезал Ирвинг. — Я беседовал с ними, верно, однако о предполагаемой личности убитого не сообщил ничего и не сообщу до тех пор, пока наши догадки не подтвердятся официально. Мы с вами — в своем профессиональном кругу — можем говорить, что это действительно сержант Мур, с определенной степенью уверенности, но репортеры — дело другое. Они не дождутся от меня ни полслова, пока мы не проведем все положенные экспертизы и не расставим все точки над «i» в свидетельстве о смерти! — Словно желая придать вес своим словам, Ирвинг шлепнул себя по бедру картонной папкой. — Вот зачем я взял с собой его личное дело. Отпечатки пальцев попадут к экспертам вместе с телом, что намного ускорит дело. — Он обернулся к дверям злополучного седьмого номера. — Вы уже побывали внутри, детектив Босх? Расскажите, что вы там видели.

Гарри ненадолго задумался. Его интересовало, действительно ли случившееся небезразлично Ирвингу, или заместитель начальника полиции давал подчиненному детективу почувствовать длину поводка, ограничивающего его свободу. Босх впервые столкнулся с Ирвингом вне рамок предпринятого отделом внутренних расследований дознания, в котором тот играл роль его противника.

Гарри решил попытаться счастья.

— Все выглядит так, словно пострадавший сел на пол возле ванны, снял ботинок и нажал на спусковые крючки большим пальцем ноги... — Босх слегка пожал плечами. — Судя по тому, как сильно пострадала голова, это был выстрел в упор из обоих стволов. Под действием отдачи двустволка отлетела к порогу ванной комнаты и врезалась в косяк с такой силой, что от приклада откололся кусок.